

Православие в русской литературе.

Мы так привыкли к утверждению высоты и уникальности русской классической литературы, что эта истина стала для нас давно избитою, не требующей доказательств и особых размышлений. Но, не желая размышлять, пользуясь ещё шаблонами школьных лет, мы плохо сознаём своеобразие отечественной словесности и чаще ограничиваемся чванливой уверенностью в художественном превосходстве творений русских гениев над всеми прочими и в их количественном изобилии по сравнению с иными европейскими литературами.

В советском (подчас и в современном) литературоведении можно встретить такое утверждение: «Три века русской литературы. Если XIX и XX века мы знаем относительно неплохо, то век XVIII – большой пробел в нашем культурном багаже». Действительно, непросто найти сегодня людей, с увлечением читающих и обсуждающих Ломоносова, Державина, Тредиаковского, Сумарокова, Фонвизина... Но вот с чем я никогда не соглашусь, так это с тем, что нашей литературе всего три века. Великой русской литературе без малого тысяча лет! Это одна из древних литератур Европы. Она древнее, чем литературы французская, английская, немецкая. Её начало восходит ко второй половине XI века, здесь же берёт своё начало и русское богословие. «Слово о Законе и Благодати» митрополита Иллариона 1038 года написания – вот та отправная точка в отсчёте времени её существования. Из этого великолепного тысячелетия более семисот лет принадлежит периоду, который принято называть «древней русской литературой».

Литература на Руси возникла внезапно. Скачок в царство литературы произошёл одновременно с появлением на Руси христианства и Церкви, потребовавших письменности и церковной литературы. Отметим также высокий уровень славянского фольклора, сделавший возможным восприятие новых этических и эстетических ценностей, с которыми знакомила христианская письменность. Мы сможем по-настоящему определить значение этого скачка, если обратим внимание на подвиг двух греческих святых равноапостольных братьев Кирилла и Мефодия, подарившим славянским народам азбуку и превосходно организованное письмо. Восхищает собой богатство, гибкость и выразительность переданного нам из Болгарии равноапостолами и их учениками литературного языка, обилие переведённых и созданных в ней же сочинений, которые уже с конца X века начинают проникать на Русь.

В уже упомянутом нами выше «Слове о Законе и Благодати» митрополита Иллариона впервые была ярко и точно выражена русская идея за четыре столетия до появления концепции «Москва – Третий Рим» старца Филофея: русский народ должен сохранить Православие чистым и неповреждённым до Второго пришествия Спасителя. Интересная деталь: место молитвенного подвига святого Иллариона – «печерка» в великокняжеском селе Берестове под древним Киевом, впоследствии

вырастет в Киево-Печерскую лавру. Таким образом, сохраняется духовное единство между нашей литературой и прославленной «матерью всех русских обителей». Истоки великой русской литературы, как мы видим, говорят сами за себя.

«Повесть временных лет», «Киево-Печерский патерик», «Слово о полку Игореве», «Житие Александра Невского», «Задонщина», «Повесть о Петре и Февронии Муромских» и другие классические произведения древнерусской литературы говорят нам о том, как разнообразна была литература Древней Руси, как много определила она собой в русской литературе Нового времени, по сути став духовно-нравственным фундаментом «золотого» и «серебряных» веков нашей культуры. По мнению нашего замечательного академика Д. С. Лихачёва, лёгкость, с которой русская литература включилась в общий поток развития европейской литературы в XVIII веке, объясняется в значительной мере, тем, что она прошла большой собственный путь развития, имела плодотворный опыт и большие художественные и идейные достижения. Дмитрий Сергеевич пишет: «Древнерусский опыт легко заметить и в высокой идейной направленности русских литературных произведений XIX и XX веков, в их гуманном внимании к «маленькому человеку» (особенно у Гоголя), в неустанных поисках смысла и правды жизни (у Достоевского, например), в грандиозности народной эпопеи «Война и мир», во многих острых художественных образах правдоискателей (например, у Лескова), в изящной летописной краткости прозы Пушкина, в лирической тревоге стихов Блока о России, в ритмичности прозы Белого, в темах стихов Максимилиана Волошина из русской истории, в образах прозы Б. Лавренёва и во многом другом.»¹

Необходимо отметить тот факт, что в допетровский период светская культура на Руси практически не существовала: вся культурная жизнь русского народа была сосредоточена вокруг Церкви. В послепетровскую эпоху в России сформировалась светская литература, поэзия, живопись и музыка, достигшие своего апогея в XIX веке.

Отпочковавшись от Церкви, русская культура, однако, не утратила тот мощный духовно-нравственный заряд, который давало ей Православие, и вплоть до революции 1917 года сохраняла живую связь с церковной традицией. К сожалению, история русского народа XX века знает печальные примеры насильственного разделения веры и культуры, когда эти две области духовной жизни искусственно (но не искусно!) противопоставлялись друг другу. Тем не менее, даже в суровые времена богоборчества великая русская литература оставалась живым свидетельством важнейшего значения веры для всякого человеческого общества. В эпоху государственного атеизма обращение к авторитету классиков русской литературы способствовало сохранению нравственных ценностей, помогая сохранить ценностные ориентиры в сложнейших условиях гонения на всякое проявление духовной жизни. Когда доступ к сокровищнице православной духовности был закрыт по идеологическим соображениям, русские люди узнавали о вере, о Боге, о Христе и Евангелии, о молитве, о богословии и богослужении Православной Церкви через произ-

---

¹ Великое наследие: Классические произведения литературы Древней Руси / Дмитрий Лихачёв. СПб. : Азбука, Азбука Аттикус, 2014. 480 с.

ведения Пушкина, Гоголя, Лескова, Достоевского, Чехова и других наших великих писателей.

Русская литература XIX века справедливо считается одной из высочайших вершин мировой литературы. Но её главной особенностью, отличающей её от литературы Запада того же периода, является религиозная направленность, глубокая связь с православной традицией. «Вся наша литература XIX века ранена христианской темой, вся она ищет спасения, вся она ищет избавления от зла, страдания, ужаса жизни для человеческой личности, народа, человечества, мира. В самых значительных своих творениях проникнута религиозной мыслью», – пишет Н. А. Бердяев.² Признаваясь в любви к русской литературе, лауреат Нобелевской премии по литературе, немецкий мастер эпического романа Томас Манн называет её «святой русской литературой» и особо подчёркивает ту мысль, что в русской литературе, как ни в одной другой, отражены основные христианские идеи.

Сказанное относится к великим писателям земли русской Пушкину, Гоголю, Достоевскому, Лескову, Чехову, Шмелёву, чьи имена вписаны золотыми буквами не только в историю мировой литературы, но и в историю Православной Церкви. Не случайно, не зная Библии, трудно до конца понять идеи, воплощенные во многих произведениях русских классиков. Они жили в эпоху, когда всё большее число представителей интеллигенции отходило от Православной Церкви. Крещение, венчание и отпевание по-прежнему происходили в храме, но посещать храм каждое воскресенье считалось среди лиц высшего света едва ли не дурным тоном.

Приведу несколько занимательных фактов. Когда один из знакомых Лермонтова, зайдя в церковь, неожиданно обнаружил там молящегося поэта, последний смутился и стал оправдываться тем, что будто бы пришёл в церковь по какому-то поручению бабушки. А когда некто, зайдя в кабинет Лескова, застал его молящимся на коленях, тот стал делать вид, что ищет на полу упавшую монету. Традиционная церковность ещё сохранялась в простом народе, однако была всё менее характерна для городской интеллигенции. Отход интеллигенции от Православия увеличивал разрыв между ней и народом. Н. В. Гоголь с большим сокрушением верующего сердца пишет об этой ситуации графу Алексею Петровичу Толстому: «Церковь наша должна святиться в нас, а не в словах наших... Эта Церковь, которая, как целомудренная дева, сохранилась одна только от времён апостольских в непорочной первоначальной чистоте своей, эта Церковь, которая вся с своими догматами и малейшими обрядами наружными как бы снесена прямо с неба для русского народа, которая одна в силах разрешить все узлы недоумения и вопросы наши... И эта Церковь нами незнаема! И эту Церковь, созданную для жизни, мы до сих пор не ввели в нашу жизнь!»³ Тем более удивительным представляется тот факт, что русская литература, вопреки веяниям времени, сохраняла глубинную связь с православной традицией.

---

² Типы религиозной мысли в России / Николай Бердяев. Париж: YMCA-Press, 1989. 714 с.

³ Выбранные места из переписки с друзьями / Гоголь Николай Васильевич. СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2012. 320 с.

Не утратила она этой связи и в безбожном XX веке. «Деревенская проза» – так стыдливо и только отчасти верно назвала критика духовный поток нашей литературы, связанный с такими именами как Валентин Распутин, Василий Белов, Василий Шукшин, Владимир Солоухин, Борис Можаев, Владимир Крупин и другими. Читая солоухинские «Чёрные доски», «Письма из Русского музея», «Время собирать камни», наши сограждане понимали, что они не только советские, но и русские люди. О корневом надломе русской деревни, привнесённом туда продразвёрсткой и насильственной коллективизацией, бесстрашно и по-граждански честно пишет Белов в романе-хронике «Кануны». Переводчик-женщина, работая над переводом полного собрания сочинений Распутина с русского на японский, заканчивая уже свой труд, принимает Православие.

Ярким событием современной литературной жизни стало появление в 2009 году Патриаршей литературной премии имени святых равноапостольных Кирилла и Мефодия. Премия вручается в номинации «За значительный вклад в развитие русской литературы» и поощряет писателей, внесших существенный вклад в утверждение духовных и нравственных ценностей в жизни современного человека, семьи и общества, создавших высокохудожественные произведения, обогатившие русскую литературу. Показательно, что первым лауреатом в 2011 году стал видный представитель «писателей-деревенщиков», преподаватель Московской Духовной Академии, наш живой классик, друг Распутина, Белова, Шукшина, в своём творчестве больше других последовательно отстаивающих Православие – Владимир Николаевич Крупин.

По мнению авторитетного автора курса «Православие и русская литература» профессора Михаила Михайловича Дунаева, опорой для осмысления русской литературы вообще найдём в Нагорной проповеди Спасителя: ***«Не собирайте себе сокровищ на земле, где моль и ржа истребляют и где воры подкапывают и крадут; но собирайте себе сокровища на небе, где ни моль, ни ржа не истребляют и где воры не подкапывают и не крадут...»*** (Мф. 6, 19-20).

В этой великой заповеди определена сокровенная суть двух пониманий смысла человеческой жизни, как и двух мировоззрений, двух различных типов мышления, двух типов культуры. Культурологи выделяют в связи с этим два типа культуры — сотериологический (от греческого «сотерио», спасение) и эвдемонический (от греческого «эвдемония», счастье). Переходом от первого ко второму в европейской истории стала, как известно, эпоха Возрождения, возродившая именно пристальное внимание к земным сокровищам — и предпочтение их. На Руси то совершалось гораздо позднее. И совершенно логично, что приверженцы сокровищ земных объявили тяготение к духовному, возвышение небесного над земным — косностью и отсталостью.

Предпочтение того или иного — дело совести и свободы каждого. Нужно лишь ясно сознавать, что нередко прославляемая у нас западная цивилизация есть не что иное, как стремление к абсолютной полноте наслаждения сокровищами на земле. И так называемый прогресс — отыскание все более совершенных средств к овладению такими сокровищами. Так или иначе, но тяга к сокровищам земным наблюда-

ется на всех уровнях нашего земного существования. И она не может не стать предметом философского и эстетического осмысления. Но где критерий собирания сокровищ? Как точно определить, что именно собирает человек? Ведь в силу необходимости каждый вынужден же существовать в земном мире и не может обходиться вовсе без земных, материальных вещей, связей, мыслей. Христос Спаситель обозначил такой критерий ясно и просто: *«Ибо, где сокровище ваше, там будет и сердце ваше» (Мф. 6:21)*. К чему прикипаем мы сердцем — это ведь мы вполне ощущаем, если начинаем вслушиваться в голос совести (отчего мы так часто и глушим её, чтобы отогнать от себя неприглядную истину).

Перед нами главная тема русской литературы — противоборство двух раздирающих наши душу и сердце стремлений — к сокровищам небесным и сокровищам земным. Это тема, проблема не просто исключительно литературы, это проблема жизни, творческих поисков (нередко — метаний) и самих писателей, путь которых был отнюдь не прямым и направленным лишь к Горним высотам, но отмеченным многими ошибками, падениями, отступлениями от Истины.

Обобщая всё вышесказанное, хотелось бы отметить ещё одну немаловажную особенность русской литературы: она всегда была литературой патриотической и гражданской. Она всегда была совестью народа. Её место в общественной жизни страны всегда было почётным и влиятельным. Она реально воспитывала людей. От своего начала и до последних дней русская литература едина в своём развитии. Она сопутствует русской истории и составляет её существенную часть.

И в завершение, хотелось бы обратиться с молитвой ко Господу и просьбой ко всем нам приложить максимум усилий, чтобы наша великая русская литература вернула себе это центральное место в жизни русского народа как можно быстрее.